

Плюснин Юрий Михайлович

доктор философских наук, профессор факультета государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) jplusnin@hse.ru

ОБЩИННЫЕ И СОСЛОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В современных исследованиях социальной структуры преобладают два подхода, оба исторически обусловленные. Во-первых, используется однопараметрическое описание структуры: по объёму аккумулируемых ресурсов, в предельном случае по размеру доходов (и расходов) индивида или той социальной группы, которую полагают предельным элементом социальной структуры. Это преобладающий подход, поэтому исследователи нередко даже не затрудняются обосновать концептуальные основания такого представления о структуре. Во втором случае под названием «структура» описывают состав общества – по полу и возрасту, социально-профессиональным и иным признакам (мужчины и женщины, старики и пенсионеры, дети дошкольного возраста, молодёжь, экономически активное население, люди с высшим образованием и проч.; к примеру [1, 2]).

Причины доминирования обоих подходов могут быть довольно легко объяснены. Составный подход к описанию структуры есть, конечно, необходимый этап классификационной работы учёного, но её заместить не может. Между тем, именно на описании состава населения нередко и останавливаются, в то время как такое описание предполагает следующий методологический шаг – выявление социальной структуры [3].

Описание же структуры современного общества по доходам-расходам имеет известные эмпирические и теоретические источники. Последние восходят к классической типологии Ф. Тённиса, определяющей в качестве атрибута современного общества обменные отношения [4], следовательно,

объём располагаемого дохода общественной единицы (индивида, семьи, клана) может быть структурным признаком. Однако общинные отношения становятся базой для описания социальной структуры почти исключительно только тогда, когда речь ведётся о традиционном обществе [5].

Однако, если быть последовательным и рассуждать именно в этих концептуальных рамках (а и я предпочитаю это делать), то необходимо признать, что обменные отношения не замещают собою полностью отношений «общинных», как мы знаем, более многообразных. Отношения родства, соседства и взаимности сохраняют своё значение и в обществе, базирующемся на обменных отношениях, только составляют периферию его. Следовательно, мы должны фиксировать и проявление этих атрибутов в современной общественной структуре. (Другой вопрос, отчего это не делается, или делается редко; я считаю, что причины этого имеют технический характер.)

Едва только мы начинаем рассматривать современную общественную структуру пристальнее, нежели сквозь очки рутинного социологического опроса и экономического анализа, мы тут же обнаруживаем такие элементы структуры, которые социолог и историк обычно относят к более ранним (и даже архаическим) формам общественного развития. В социальной структуре современного общества мы фиксируем в качестве (даже!) системных элементов признаки общинных и сословных отношений.

Основу общинных отношений составляют отношения родства, соседства, взаимности («реципрокного альтруизма»), которые следует полагать исходными, архаическими и даже инвариантными [6]. То, что современные социологи лишь указывают на их присутствие в обществе, но проявляют в целом немного интереса (за исключением, может быть, изучения родственных связей, но здесь иные мотивы), совсем не означает, что такие отношения стали играть совсем малую роль в поддержании общественной структуры. Внимательный анализ местных провинциальных обществ малого масштаба, особенно сельских, демонстрирует нередко противоположное [7, 8].

Сословным отношениям в глазах социологов повезло ещё меньше. Их полагают общественным пережитком, совершенно оставленным после перехода к «постмодерну» и рассматривают только исторически [9, 10]. Между тем, если мы подойдём к сословию даже только с формальными критериями определения его как к легализованному статусу индивида (и его близких родственников – вот где связь с общинными отношениями!), поскольку он наделён государством законодательно определёнными правами и обязанностями, преференциями и привилегиями, мы вынуждены будем признать, что сословные отношения сохраняются и в современном обществе, и нередко далеко не на периферии его [11].

Проблема, зафиксированная здесь мною, вырастает из утверждения, что общинные и сословные отношения не являются периферийными в современном нам российском обществе. В противоположность представлениям и утверждениям многих социологов, такие отношения нередко занимают центральное место и имеют определяющее значение для социальной структуры. Общинные отношения теснейшим образом связаны с естественным и обычным правом [12], с системами жизнеобеспечения, основанными на хозяйственном воспроизводстве [13], с популяционными процессами [6,14, 15]. Сословные отношения являются продуктом «естественного государства» (говоря языком Д. Норты и соавторов, см. также [16, с.183-195]), они возникают в результате создания социальной структуры, элементы которой обладают ограниченным и однозначно определённым (государством) функционалом, что повышает управляемость общества и безусловно обеспечивает легитимность государства [17, с. 221-306]. На первый взгляд кажется, что в «распределённом государстве» такие отношения вытесняются на периферию. На деле же им на смену приходят иные, «квази-сословные» отношения и соответствующая структура. В российском обществе эти «квази-сословные» структурные элементы наиболее выразительны и фиксируются с большей определённой, чем в западных обществах [11, 18].

Задача стоит формально простая: показать эти общинные и сословные элементы. Содержательно она сложна, поскольку мало просто указать, необходимо обосновать их именно как актуальные структурные элементы общества. Аргументами такого обоснования являются как эмпирическая интерпретация, так и методологический анализ. Здесь я сконцентрирую внимание на первом. Это определённо предполагает методологию качественного исследования (обсуждение обоснования такого методологического подхода я отсылаю к [19]).

Выявленные общинные и сословные структурные элементы фиксируются на материале провинциальных местных обществ, центрами которых выступают малые города и аналогичные им посёлки и крупные сёла. Местные общества не ограничены территорией населённого пункта, но шире её и нередко охватывают территорию всего района, а иногда, по историческим причинам, и территорию бывшего уезда или волости. Объём эмпирического материала составляет несколько десятков местных обществ малых городов, преимущественно в центральных областях Европейской России, на Русском Севере, а также на Урале и в Сибири (описание материала приведено в [20]).

Сословные элементы структуры обоснованы и достаточно полно описаны С.Г. Кордонским [11]. Здесь следует только согласиться, что в структуре российского общества сословные элементы занимают не периферийное, а центральное место. Позиции едва ли не всех крупных и ключевых профессиональных групп законодательно определены государством. За счёт выстроенной системы обязанностей (служб и «тягл»), прав, преференций и привилегий эти крупные группы переведены в статус сословных. Некоторые «служилые» профессиональные группы дифференцированы очень подробно, как например, государственные гражданские и военные служащие, правоохранители, а также отдельные группы, законодательно определённые как сословия (казаки). Благодаря системе социально-профессионального образования, приобретшей уже в поздние советские годы признаки наследственного воспроизводства (а за последние 20 лет они ещё более

укоренилось), сословные элементы приобретают и признак наследуемых сословных статусов [18, с. 141-157].

Анализируя то, каким образом заданы государством статусы («звания») отдельных профессиональных групп, внимательные исследователи вынуждены признать, что сословные элементы в российском обществе занимают отнюдь не периферийное положение. Они в действительности составляют центральный принцип структурного деления общества.

Но не менее многочисленны и совсем не периферийны и элементы общинные в структуре современного общества. Едва только мы обращаемся не к описанию того, что лежит перед глазами – общественной структуры крупных городов, а к местным провинциальным обществам, мы обнаруживаем постоянные и повсеместные отношения, обычно относимые социологами к архаичным и на этом основании давно забытым. Здесь я даю перечисление некоторых выявленных общинных элементов структуры без какой-либо систематизации; это задача следующего этапа работы. Поэтому я не предлагаю пока выводов.

Бригады (а точнее артели), составленные из доверенных людей, преимущественно ближайших соседей и, реже, родственников. Такие артели являются постоянной производственной ячейкой, создаваемой для получения ресурсов из внешних источников. Таковы почти все коллективы многочисленных отходников из северных областей страны, предлагающие на столичных рынках продукты своего труда.

Близко к ним стоят «трудовые колонии» людей, связанных родством и соседством, совместно выезжающих на вахтовые работы в удалённые территории (в Сибирь и на Крайний Север). Такие «вахтовые колонии» временами переходят к постоянному жительству в местах работы, образуя районы с населением общего происхождения.

«Задруги» - ситуативно возникающие производственные коллективы для исполнения крупных проектов, требующих временных, но больших усилий. Такие коллективы формируются из соседей и родственников, но хотя это и

ситуативные образования, состав их постоянен: в такие артели-задруги принимаются одни и те же люди и редко включаются новые члены.

Уличные соседские коммуны, существующие как постоянные «невидимые» образования для решения текущих хозяйственных и бытовых вопросов, общих для целой улицы или всей деревни, небольшого села.

«Долговые книги» мелких розничных магазинов – архаичная по происхождению, недавно забытая в Старой Европе, но в России всё ещё развитая система поддержки малоимущих с помощью «кредита» - выдачи пищевых продуктов и промышленных товаров знакомым покупателям в долг, с записью долга в специальную тетрадь, которая прячется от постороннего взгляда под прилавок и никогда не показывается чужому. Вплоть до 50-х и 70-х годов эти соседские «кредитные» отношения существовали и в Европе (по крайней мере в Германии и Британии, если судить не по текстам социологов, а по рассказам писателей, таких как Ж. Сименон, Э. Хэмингуэй и др.). в провинциальной России система соседских «кредитных» отношений существует повсеместно и только в последние годы начинает вытесняться вследствие прихода в сельскую местность крупных торговых сетей.

Общественные пространства – «форумы» в традиционном смысле слова – необходимые для консолидации местного общества. Церковные приходы, выполнявшие ранее эту функцию, несмотря на все усилия, не могут её восстановить и эту задачу взяли на себя рынки. В каждом районном административном центре, а также в каждом достаточно крупном селе (численностью от 2-3 тысяч человек) установлен еженедельный базарный день. В большинстве малых городов для этого выделено специальное общественное пространство. Иногда оно расположено крайне удачно – на прежде существовавшей рыночной площади. Такое общественное пространство крайне важно для местного общества, но нередко местные власти (вполне в соответствии с советской традицией) активно препятствуют этому, переводя рынки на окраину города или располагая их в неудобном месте (вдоль проезжей части улицы). Такая недалёковидность местных властей в результате

дорого им обходится, но подсчитать идеологический ущерб невозможно. Общественное пространство рынка – элемент структуры, необходимый (как и приход) для поддержания целостности местной общественной жизни. Он утратил значение в глазах современного городского человека, который посещает рынок с единственной утилитарной целью и не подозревает о его идеологических функциях. А вслед за горожанином об этом не подозревает и социолог.

Совместные праздники соседей и родственников. Они бывают двух масштабов: крупного – это редкие ежегодные «братчины» или праздники, обусловленные ритуальными событиями (смертью, свадьбой, рождением, крестинами и т.п.), и мелкого масштаба – «посиделки» и «беседы», устраиваемые регулярно и повсеместно. В качестве дериватной формы промежуточное место между регулярными «посиделками» и ритуальными «братчинами» занимают «зелёнки», которые становятся всё более популярными у молодёжи и людей зрелого возраста: выезд больших групп соседей семьями на берега рек и озёр (на зелёную траву) с едой и питием, с музыкой, танцами и веселием.

Новая форма, которая в провинции приобрела за последние 20 лет громадные масштабы – совместная рыбалка. Если прежде этим увлекались единицы, то теперь – почти все. Основной аргумент, регулярных, иногда (особенно зимой) ежедневных выездов «на рыбалку», который предлагают сами участники – обеспечение семьи рыбой (мясом, грибами и др. аналогичными натуральными продуктами) как одним из основных источников жизнеобеспечения, совершенно не соответствует действительности. Сами участники, да и социологи тоже, не знают, зачем и для чего они включены в это действие, в действительности имеющее уже значение ритуала.

Новые – а в действительности, архаические – формы семейной организации жизни, из которых наиболее вопиющая для общественной морали – жизнь «на две семьи». Она становится всё более распространённым явлением в провинциальном обществе и мы фиксируем его уже не только для семей

отходников, где это стало вполне обыденной практикой, но и для людей, постоянно проживающих в селе и обзаводящихся двумя семьями или формирующими квази-семейную группу. В среде «новых язычников» и просто многочисленных сектантов, расселившихся по окраинам местных сельских обществ и в малых городах, практика нетрадиционных форм брачных отношений стала ещё более распространённой. Но, как мы знаем не только из классической художественной литературы, такая практика сексуальных, брачных и семейных отношений была очень характерна для сельских традиционных обществ (например [21, с. 207-232]).

Представляется, таким образом, что и сословные и общинные элементы в структуре современного общества представлены намного полнее, чем мы то полагаем. Ошибочность нашего представления может быть обусловлена признанием их архаическими, преодолёнными элементами, утратившими своё значение. Здесь, по-видимому, сказывается наша повсеместная склонность к прогрессизму.

Список литературы

1. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. - М.: Аспект Пресс, 1996; Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. - М., 2007.

2. Шкаратан О.И., Тнясевский С.А., Красилова А.Н., Крельберг Ю.М., Смыслов Д.А. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. – М.: ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2009. – 560 с.; Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения. – М., 1971.

3. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблема эпистемологии. – Смоленск, Пилигримм, 2006.

4. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб: «Владимир Даль», 2002. – 452 с.

5. Мердок Дж.П. Социальная структура. – М.: ОГИ, 2003. – 608 с.

6. Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. Теоретико-методологический анализ. – Новосибирск: Наука, 1990. – 240 с.
7. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / Сост. Т.Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992. 150 с.
8. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность, 2003. - № 1. - С. 116-121.
9. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). – М.: Новый хронограф, 2010. – 752 с.
10. Крауч К. Постдемократия / Пер.с англ. Н.Ф. Эдельмана. – М.: Изд.дом гос.ун-та Высшей школы экономики, 2010. -192 с. – III. Социальные классы в постдемократическом обществе. – С. 74-92.
11. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
12. Штраус Л. Естественное право и история. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 312 с.
13. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. – Том 2. Игры обмена. - М.: Изд-во «Весь Мир», 2006. – 672 с.
14. Cavalli-Sforza L. L., Bodmer. W. F. The genetics of human populations. Mineola, NY: Dover, 1999. P. 181-189.
15. Salter F.K. On Genetic Interests: Family, etny, and humanity in an age of mass migration. Peter Lang: Frankfurt am Main, 2003. - 388 p.
16. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с.
17. Шмитт К. Государство: Право и политика / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. – М. Издательский дом «Территория будущего», 2013. – 448 с. Легальность и легитимность. С7 221-306.
18. Кордонский С.Г. Россия – Поместная федерация. – М.: Издательство «Европа», 2010. – 312 с. – Глава 2. Отношения между сословной и административно-территориальной структурами. С. 37-74.

19. Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Бойков Д.В., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э. Российская провинция и её обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // Мир России. М. – 2011. – Том XX. - № 1. – С. 3-33.

20. Плюснин Ю.М. «Свои» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России, М, 2013, Т. 22, № 3. С. 60–93.

21. Смирнов И.Н. Пермьяки. Историко-этнографический очерк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 20127 – 296 с.